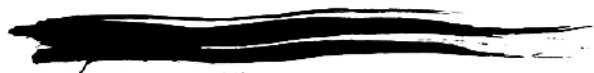

#YOUNG
THRILLER

МЕГАН ЭББОТ

КАК ТЫ
СМЕЕШЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э13

Megan Abbott
DARE ME

Печатается с разрешения литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Эббот, Меган.

Э13 Как ты смеешь : [роман] / Меган Эббот ; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. – Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (#YoungThriller).

ISBN 978-5-17-096339-3

«Нет никого опаснее скучающих девочек-подростков», — сказала тренер когда-то давно, когда ветер кружил сухие листья у наших ног.

Бет и Эдди — лучшие подруги и королевы школьной команды поддержки, царствующие в своем маленьком закрытом мирке.

Но все меняется, когда приходит новый тренер.

Красивая, сильная, идеальная, она быстро завоевывает авторитет и меняет весь привычный уклад, внося раздор в крепкую дружбу и проверяя девочек на прочность.

Неожиданное убийство и полицейское расследование затрагивают как нового тренера, так и команду поддержки.

Спортивный сезон, как и следствие по делу, близятся к завершению.

Кто окажется под подозрением?

И смогут ли девочки сохранить дружбу, когда узнают правду?

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-096339-3
© 2012 by Megan Abbott
© Ю. Змеева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается моим родителям,
которые научили меня быть амбициозной*

*Настигло выскочку проклятье ада,
Последний сердца стук, и взор поник,
И капитан на землю тихо падал,
И закружили коршуны над ним.*

Джон Кроу Рэнсом

ПРОЛОГ

— *Что-то случилось, Эдди. Тебе лучше приехать.*

Воздух тяжелый, туманный, густой. Уже почти два часа ночи; я на верхней ступени, жму на серебристую кнопку: 27-Г.

— *Скорее, прошу.*

Жужжит домофон, дверь щелкает и открывается, я внутри.

Иду по коридору, домофон продолжает жужжать, дребезжат стеклянные стены.

И я вспоминаю, как в начальной школе нас однажды собрали по учебной тревоге: тренировка на случай торнадо. Мы с Бет бок о бок сидели в подвале, и мое колено, обтянутое джинсами, касалось ее коленки. Слышны были лишь наши вдохи и выдохи. Это было до того, как мы поверили — нам ничто не может навредить. Уж точно не торнадо.

— *Не могу смотреть. Прошу, не заставляй меня смотреть.*

В лифте, по пути наверх, у меня начинают дрожать ноги. Вспыхивают номера этажей: 1—2—3—4.

В квартире темно — единственная напольная лампа в дальнем углу отбрасывает круг галогенового света.

— Сними обувь, — еле слышно говорит она. Тонкие руки безвольно повисли.

Мы стоим в прихожей; ближайшая дверь ведет в столовую, где лужицей пролитых чернил блестит лакированный стол.

Дальше — гостиная с кожаными диванами; кажется, что армада черной мебели угрожающе надвигается на меня.

Она бледна, волосы намокли. Стоит и вертит головой по сторонам, отводит взгляд, словно не хочет, чтобы я смотрела ей в глаза.

Я и сама не хочу смотреть.

— *Кое-что произошло, Эдди. Что-то плохое.*

— Что там? — наконец спрашиваю я, не в силах оторвать взгляд от дивана: мне кажется, что он живой, что его черная кожа сейчас лопнет и раскроется, как надкрылья у насекомого.

— Что там? — спрашиваю я, повысив голос. — Там, за диваном, что-то есть?

Она не смотрит на меня, и я понимаю: есть.

Сначала мой взгляд падает на пол, и я вижу блестящую прядь волос, словно вплетенную в ворс ковра.

Потом делаю шаг и вижу остальное.

— Эдди, — шепчет она, — *Эдди...* все, как я думала?

1

Четыре месяца назад

После матча нужно стоять под душем не меньше получаса, чтобы смыть весь лак. Отодрать блестки. Выудить все впившиеся в голову невидимки.

Бывает, стоишь под горячими струями долго-долго и смотришь на себя. Пересчитываешь синяки. Трогаешь ссадины. Наблюдаешь, как вода вперемешку с блестками закручивается водоворотом и уходит в слив. Чувствуешь себя русалкой, сбрасывающей рыбью чешую.

А на самом деле просто хочешь, чтобы сердце не колотилось так быстро.

Думаешь: это мое тело, и сколько всего оно умеет! Я могу заставить его вертеться колесом, кувыркаться, летать.

А потом встаешь перед запотевшим зеркалом — уже без малиновых прядей в волосах, без накладных ресниц с блестками. И видишь, что это просто ты — ты, не похожая ни на кого другого.

Незнакомая ты.

Поначалу чирлидинг был для меня способом заполнить бесконечно тянущиеся дни — каждый из этих долгих дней.

Когда тебе четырнадцать, пятнадцать, семнадцать, нужно что-то делать, чтобы убить все это

время, это бесконечное зудящее ожидание, когда каждый час, каждый день ждешь чего-то — чего угодно — лишь бы это поскорее случилось.

«Нет никого опаснее скучающих девочек-подростков», — сказала тренер когда-то давно, осенним днем, когда ветер кружил сухие листья у наших ног.

Но она сказала это не как мама, или училка, или директор, или, чего хуже, школьный психолог. Она *знала*, каково это. Она все понимала.

Все стереотипы о распущенных чирлидершах, резвящихся в раздевалках и прикрывающих помпонами упругие голые груди, все эти бесконечные фантазии и непристойные мальчишеские грезы — все это в некотором роде правда.

В раздевалке действительно шумно и влажно, но девичьи тела в синяках и ссадинах; ноги болят от прыжков, локти разодраны в кровь — зрелище не для слабонервных.

Но это и прекрасно: в тесном, душном пространстве ничто нам не угрожает.

Чем больше я занималась, тем сильнее втягивалась. Благодаря команде поддержки все обрело смысл. У моей беспозвоночной жизни появился хребет, на нем выросли ребра, ключицы; я стала высоко держать голову.

Все благодаря тренеру. Без нее ничего и никогда бы не получилось.

Она открыла нам все тайные чудеса жизни — реальной жизни, той, которую я прежде видела лишь мельком, краем глаза. Умела ли я чувствовать раньше, до того, как она показала мне, что это значит? Орудя стиснутыми кулаками и вырываясь из оков своего тесного мира, она научила меня жить.

Я хотела сохранить то, что имела. Так можно ли винить меня в этом? В том, что я боролась до самого конца?

Не надо говорить, что это было зря.

Взгляните на меня — Эдди Хэнлон, шестнадцать лет, длинные волосы цвета карамели, кожа упругая, как резиновый мяч. Я в спортивном зале, рядом — моя лучшая подруга Бет; губы-вишенки растянуты в улыбке, ноги намазаны автозагаром, хвостики подпрыгивают в такт.

Взгляните, как часто я моргаю, словно окружающий мир слепит мне глаза.

Я никогда не была одной из тех, кто носит на лице маску вечного недовольства, непрерывно жуёт резинку, закатывает глаза и протяжно вздыхает. Не была я такой. Но я знала таких девчонок. И когда появилась она, все их маски тотчас потрескались и облезли, как шелушащаяся кожа.

Под маской мы все одинаковые, правда? Хотим чего-то, а чего — не знаем. Не можем даже сформулировать, что нам на самом деле нужно. Но это чувство сдает нас; оно как игла в сердце.

Взгляните на меня — вот я в раздевалке перед матчем.

Сдуваю пыль с ослепительно-белых теннисных туфель. Я сама их отбеливаю, надев резиновые перчатки и заткнув нос: они так пахнут хлоркой, что кружится голова. Обожаю эти туфли. В них я чувствую себя сильной. Я купила их в тот день, когда была принята в команду.

Футбольный сезон

Ее первый день. Мы, склонив головы набок, внимательно ее рассматриваем. Кое-кто, возможно, даже я, стоит, скрестив руки на груди.

Новый тренер.

Сколько всего в ней нужно принять во внимание, узнать, оценить и взвесить. А наше неодобрение часто перевешивает. Рост не выше ста шестидесяти; стопы развернуты внутрь, как у балерины; тело крепкое, как туго натянутый барабан; загорелые ключицы вздымаются; высокий лоб.

Волосы подстрижены безупречно ровно — если присмотреться, можно увидеть даже след от ножниц (Неужели подстриглась сегодня утром, перед школой? Наверное, очень хотела произвести впечатление.) А как высоко она держит подбородок! И использует его как указку — поворачивает влево и вправо, смотрит на нас. А главное — как она поразительно красива: красотой чистой, звенящей, как колокольчик. Этот звон почти оглушает нас. Но мы не позволим ему сбить себя с ног.

Мы стоим, развалившись, сутулясь; в карманах и в руках чирикают телефоны — *сколько ей может быть лет? Глянь-ка на свисток, это что еще за новости?* Сообщения летают туда-сюда;

мобильники вибрируют. Мы изредка бросаем на нее равнодушные взгляды — головы опущены: телефоны важнее.

Как ей, должно быть, нелегко сейчас.

Но она стоит с прямой спиной, как сержант на плацу, и выдерживает самые дерзкие взгляды.

Оглядывая наш расхлябанный строй, она оценивает нас. Оценивает каждую. Чувствую, как ее глаза впиваются в меня и разбирают по частям: кривоватые ноги; выбившиеся из прически волосы, прилипшие к шее; плохо сидящий лифчик; то, как я верчусь и дергаюсь, и не могу стоять спокойно, как мне на самом деле хотелось бы. Так, как стоит она.

— Рыбина б ее целиком проглотила, — бормочет Бет. — Рыбина бы двоих таких проглотила.

Рыбиной мы прозвали нашу бывшую тренершу, мисс Темплтон. Ей было далеко за сорок: крепкое, массивное тело вальяжной тюленихи, круглое и гладкое; золотые сережки-гвоздики, рубашка-поло с мягким воротником, неказистые кроссовки на толстой подошве. Она не расставалась со своим потрепанным блокнотом на спирали, где мелким почерком были расписаны все упражнения. Блокнот служил ей верой и правдой с тех пор, когда чирлидерши только и умели, что махать помпонами да вскидывать ноги, как в канкане. И кричать «сис-бум-ба»*.

Рыбина сжимала свисток безвольными губами и большую часть рабочего дня проводила за столом, раскладывая пасьянс. Сквозь жалюзи на окне ее кабинета мы видели, как она переворачивала карты. Мне было почти жаль ее.

* Чирлидерская кричалка, имитирующая свист, взрыв хлопнушки и последующее ликование толпы.

Рыбина давно на все забила. Ей было все равно, что каждый новый класс все развязнее, наглее, языкастее, высокомернее предыдущего.

Мы, девчонки, ею помыкали. Особенно Бет. Наш капитан Бет Кэссиди.

С девяти лет, еще с младшей чирлидерской группы, я числилась при ней преданным лейтенантом. Ее правой рукой, верным Ахатом*. Она меня так и называла. Все поклонялись Бет, а, следовательно, и мне.

А Бет делала все, что ей заблагорассудится.

Никакой тренер нам был, по сути, не нужен.

А теперь эта. *Эта.*

Рыбина ни с того ни с сего укатила в болота Флориды — помогать внучке-малолетке ухаживать за неожиданно возникшим младенцем. А к нам приставили *эту*.

Новенькую.

Свисток покачивается в ее руке, как защитный амулет. С *этой* придется считаться.

Одного взгляда на нее достаточно, чтобы это понять.

— Здравствуйте, — произносит она тихо, но твердо. Повышать голос нет смысла. Все поворачиваются и прислушиваются. — Я — тренер Френч.

«А вы мои сучки», — вспыхивает спрятанный в моей ладони экран телефона. Бет.

— Вижу, нам есть над чем поработать, — продолжает она, сверля меня взглядом, мой телефон для нее — центр мишени, яблочко. Он жужжит в моей ладони, но я не смотрю на него.

Перед ней стоит пластиковый ящик с инвентарем. Она поднимает изящную ножку и одним

* В «Энеиде» — верный друг Энея, сопровождавший героя во всех приключениях.

пинком переворачивает его; хоккейные мячи гулко скачут по полу.

— Сюда, — велит она, подталкивая ящик ближе к нам.

Мы смотрим на ящик.

— Вряд ли мы все туда поместимся, — бросает Бет.

Тренер поворачивается к ней; лицо абсолютно ничего не выражает. Оно непроницаемо, как баскетбольный щит за ее спиной.

Мгновение затягивается. Бет с треском захлопывает серебристую крышку телефона.

Тренер даже не моргает.

Телефоны летят в ящик. Рири, Эмили, Бринни Кокс, все остальные, одна за другой бросают яркие игрушки в ящик. Бет сдается последней. Клик, клак, бряц; на смену какофонии колокольчиков, птичьих трелей, диско-ритмов наконец приходит тишина.

Надо видеть выражение лица Бет после тренировки. Уже тогда я понимаю, как ей будет нелегко.

— Колетт Френч, — фыркает она. — Имечко прямо как у порнозвезды.

— Мне про нее рассказывали, — встречается Эмили. Она еще не отдышалась после заключительной серии упражнений. У всей команды трясутся ноги. — Под ее руководством группа из Фолл-Вуд попала в полуфинал соревнований штата.

— Полуфинал. Гребаный полуфинал. Да на фиг он мне, — цедит Бет.

Эмили сникает.

Никто из нас не занимается в группе поддержки ради славы, призов и соревнований. Никто из нас на самом деле не знает, зачем мы вообще это делаем. Мы лишь знаем, что эти тренировки —